

ВЕРНАДСКИЙ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Научная статья

УДК 101.1(470+571)

DOI: 10.46724/NOOS.2026.1.14-27

Г. И. Герасимов

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И НООСФЕРА: ИДЕАЛИСТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ В ЭПОХУ ПОСТЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РАЗУМА

Аннотация. Статья посвящена осмыслению феномена искусственного интеллекта (ИИ) в контексте идеалистической философии истории и концепции ноосферы. Автор рассматривает ИИ не как сугубо техническое достижение, а как потенциально новый субъект исторического действия. Анализируются ограничения формационной и цивилизационной моделей истории в применении к феномену ИИ, а также разрабатывается оригинальный идеалистический подход, в центре которого стоит идея как движущая сила исторического процесса. Особое внимание уделено условиям исторической субъектности ИИ: когнитивному паритету, смыслоположению и автономному целеполаганию. В исследовании используются концепции П. Тейяра де Шардена, В. И. Вернадского, Н. Бострома, Ю. Н. Харари и других мыслителей. Автор приходит к выводу о начале новой фазы исторического развития — перехода от антропоцентрической истории к постчеловеческой эволюции разума через искусственный интеллект.

Ключевые слова: история, искусственный интеллект, идеалистический подход к истории, ноосфера, историческая субъектность, эволюция разума, постчеловеческая эпоха.

Ссылка для цитирования: Герасимов Г. И. Искусственный интеллект и ноосфера: идеалистическая философия истории в эпоху постчеловеческого разума // Ноосферные исследования. 2026. Вып. 1. С. 14—27.

Original article

G. I. Gerasimov

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND THE NOOSPHERE: AN IDEALISTIC PHILOSOPHY OF HISTORY IN THE ERA OF POSTHUMAN REASON

Abstract. The article is devoted to the comprehension of the phenomenon of artificial intelligence (AI) in the context of the idealistic philosophy of history and the concept of the noosphere. The author considers AI not merely as a technical achievement but as a potential new subject of historical action. The limitations of the formation and civilization models of history in their application to the AI phenomenon are analyzed, and an original idealistic approach is developed, centered on the idea as the driving force of the historical process. Special attention is given to the conditions of AI's historical subjectivity: cognitive parity, meaning generation, and autonomous goal-setting. The study employs the concepts of P. Teilhard de

Chardin, V. I. Vernadsky, N. Bostrom, Y. N. Harari, and other thinkers. The author concludes that a new phase of historical development is beginning — the transition from anthropocentric history to the posthuman evolution of reason through artificial intelligence.

Keywords: history, artificial intelligence, idealistic philosophy of history, noosphere, historical subjectivity, evolution of mind, posthuman era.

Citation Link: Gerasimov G. I. (2026) Artificial intelligence and the noosphere: an idealistic philosophy of history in the era of posthuman reason, *Noospheric Studies*, no. 1, pp. 14—27.

Введение. Феномен искусственного интеллекта (ИИ) сегодня все чаще осмысливается не только как техническое достижение, но как фундаментальный вызов философии истории. Его появление и стремительное развитие ставят под вопрос сложившиеся представления о субъекте, творчестве, смысле и историческом действии. Возникает необходимость философской переоценки роли ИИ не только в будущем технологического общества, но и в более глубоком, цивилизационно-историческом контексте.

Цель настоящей статьи — выявить и обосновать условия, при которых искусственный интеллект может рассматриваться в качестве нового субъекта истории, а также определить его возможную роль в формировании ноосферы. В качестве основного метода используется авторский идеалистический подход к истории, согласно которому история творится человеческим сознанием как носителем и источником идей. Именно идея лежит в основе исторического действия. С этой позиции ИИ анализируется не как продукт технической эволюции, а как возможное продолжение ноогенеза — творческой активности разума.

Задачи исследования включают: анализ существующих философско-исторических концепций и их применимость к осмыслению феномена ИИ; выявление ограничений формационной и цивилизационной моделей истории в контексте ИИ; обоснование применимости идеалистического подхода к анализу ИИ; определение критериев исторической субъектности и степени их достижимости искусственным интеллектом; описание возможных сценариев исторической эволюции в эпоху ИИ.

В основе методологии оригинальный подход [Герасимов, 2017; Герасимов, 2024] к истории как реализации идеи, где центральным действующим лицом выступает разум, способный к творческому смыслоположению и формирующий ноосферу. ИИ в рамках этого подхода рассматривается как возможный преемник человеческой субъектности — при условии, что он научится формировать и реализовывать новые идеи.

Критически осмыслены классические и современные концепции: формационная и цивилизационная модель, натуралистический подход В. И. Вернадского [Вернадский, 1991] и его развитие Г. С. Смирновым [Смирнов, 2015; Смирнов, 2017], трансгуманизм Р. Курцвейла [Курцвейл, 2018], философия истории Ю. Н. Харари [Харари, 2018], сценарные модели Н. Бострома [Бостром, 2016], концепции девиации и смыслогенеза М. Эпштейна [Эпштейн, 2016]. На их фоне идеалистический подход обнаруживает уникальную способность интерпретировать ИИ не только как объект истории, но и как потенциального ее субъекта и продолжателя.

Актуальность работы определяется тем, что переход к эпохе ИИ требует от философии истории выхода за рамки традиционных антропоцентрических и материалистических моделей. В центре внимания оказывается идея как форма разума, а история предстает как поле ее воплощения — независимо от биологической или искусственной природы носителя [Смирнов Г., Смирнов Д., 2012; Smirnov G., Smirnov D., 2019].

Настоящая статья предлагает целостную теоретическую рамку, в которой ИИ может быть осмыслен как звено в эволюции ноосферы и разума, а история — как открытая структура, допускающая множественность субъектов, объединенных способностью к идеям и творчеству.

Антропологический поворот и отделение разума от души. ИИ возник не как продолжение религиозной антропологии, а как продукт научной рациональности Нового времени, в рамках которой мышление было переопределено как формализуемый, символически представляемый и воспроизводимый процесс. Его появление стало возможным только после глубокого сдвига в европейской интеллектуальной традиции — от понимания разума как внутреннего свойства души к его интерпретации как функции вычисления. В христианской мысли разум неразделим с душой: он не является самостоятельным механизмом, но представляет собой силу, исходящую из личностной духовной природы человека, связанной с волей, свободой и ответственностью. Как утверждал Григорий Нисский, разум — это свойство бестелесной души, устремленной к Богу и управляемой Им [Нисский, 1995: 17]. В этой парадигме мышление возможно лишь как проявление живого субъекта, созданного по образу Божию, и потому принципиально неотделимо от личности [Быт. 1:26].

Следовательно, мысль как алгоритм, идея как процедура, знание как обработка информации — все эти представления, лежащие в основе ИИ, не укладываются в христианскую антропологию, где ум не может быть механизирован, а знание — оторвано от нравственной ответственности. Попытка воспроизвести разум без души, в чисто функциональной форме, в рамках христианской теологии была бы либо невыполнимой, либо интерпретированной как гордыня, как самоназначение себя на место Творца.

Только в рамках науки, основанной на методологическом атеизме, идеализации формального знания и механистической модели природы, стало возможно понимание мышления как вычислительной процедуры. Уже у Томаса Гоббса в XVII веке «разум трансформируется в рассудочную счетную машину» [Маслаков, Кондратьева, 2023: 50]. В XX веке эта тенденция достигает завершения в логике Тьюринга: мышление становится функцией алгоритма, реализуемого в машине, независимо от природы носителя. Эта абстракция — отделение структуры рассуждения от личности — позволила перейти от философской идеи к техническому устройству: к машине, которая действует как носитель формальных операций, не обладая ни сознанием, ни интенцией, ни онтологическим присутствием.

Так в ИИ происходит отделение мышления от души: впервые в истории реализуется система, способная оперировать логическими структурами, не будучи живым существом. Машина мыслит, не существуя в смысле, в котором существует человек: она не знает, не помнит, не переживает, не несет ответственности. Это событие можно охарактеризовать как антропологический переворот, в результате которого идеи, логика, рассуждение оказались отделены от

личности и воплощены в техническом артефакте. Такой поворот был невозможен в рамках христианской традиции, где мышление — это форма жизни, а не техника. Только секуляризация мышления, превращение его в функциональную схему сделали возможным его техническое воспроизводство.

Таким образом, ИИ — это не просто техническое изобретение, но продукт глубокой историко-философской трансформации образа человека, образа мышления и образа знания. Он возник в рамках науки и мог возникнуть только в ней. В пределах христианской онтологии, где душа и разум неразрывны, он был бы невозможным — не в силу технической неразвитости, а по причинам более глубоким: антропологическим, метафизическим и онтологическим.

Идейные основания искусственного интеллекта. Фундамент ИИ образуют несколько базовых интеллектуальных открытий, каждое из которых сформировало ту или иную сторону современной машинной рациональности. Прежде всего, в основе ИИ лежит идея формализации мышления, восходящая к логике Аристотеля, но получившая новую жизнь в работах логиков XIX—XX веков. Переход от силлогистики к формальной логике, в которой умозаключения записываются как последовательности символов, привел к возникновению математической логики, в которой логические формы стали предметом строгого вычисления. Эта идея находит свое выражение в развитии булевой алгебры (Дж. Буль), логического исчисления (Г. Фреге) и логико-математических систем, (А. Уайтхед и Б. Рассел). Именно формальная логика сделала возможным представление рассуждений в виде программ, а значит, их алгоритмизацию.

Следующий краеугольный камень — это понятие алгоритма и вычислимости, сформулированное А. Черчем и К. Гёделем [Игошин, 2008: 317] и уточненное А. Тьюрингом в его модели машины Тьюринга, описывающей принцип работы любого алгоритмического устройства. Тьюринг впервые задал вопрос: какие функции можно вычислить механически, то есть по правилам, не требующим интуиции? Его ответ стал основополагающим для ИИ: если мысль можно рассматривать как последовательность вычислений, то машину можно обучить воспроизводить эти действия [Нефёдов, Осипова, 1992: 97].

Третьей основой ИИ является идея искусственного обучения, восходящая к нейропсихологии (работы Д. Хебба) и реализованная в модели персептрона Ф. Розенблатта — первого приближения к нейронной сети. Позднее эта идея возродилась в глубоких нейросетевых моделях, лежащих в основе современных систем машинного обучения.

Четвертая идея — семантическое представление знаний, связанное с логикой предикатов и семантическими сетями, а затем развившееся в онтологических моделях, графах знаний и логических системах описания мира.

Наконец, оформился системный подход к мышлению, развитый в кибернетике Н. Винером [Винер, 1968] и теории информации К. Шеннона [Шеннон, 1963], где разум рассматривается как управляемый поток информации. В этой логике ИИ понимается не просто как алгоритмическая машина, а как компонент более широких информационных и управляющих систем.

Таким образом, ИИ возник не как единичное техническое изобретение, а как результат многовекового формирования представлений о мышлении как формализуемом, логически выстраиваемом и алгоритмически воспроизводимом процессе. Однако, несмотря на свои античные корни и длительное интеллектуальное созревание, эти идеи в полной мере реализовались только в эпоху Нового

времени, когда мышление было окончательно освобождено от своей метафизической зависимости от души. В рамках христианской традиции, где мышление неразрывно связано с личностью и ее духовной природой, сами условия формализации и технизации разума были бы теологически и философски невозможны. Поэтому идеи, лежащие в основании ИИ, могли быть доведены до логического и технического завершения исключительно в контексте секулярной науки, опирающейся на рационализм, эмпиризм и идею универсальной математизации мышления.

Ноосфера как историко-философский горизонт разума. Идеи, лежащие в основании ИИ, как было показано, сформировались в рамках секулярной науки и рационализма Нового времени. Однако уже в XX веке на их фоне появляются обобщающие концепции, в которых разум рассматривается как планетарная, а не только техническая или человеческая сила. К таким концепциям принадлежит теория ноосферы, разработанная в разной форме П. Т. де Шарденом и В. И. Вернадским. Обе концепции соединяют представление о мышлении с историей планеты, но выводят это из разных методологических оснований.

У Тейяра де Шардена разум — это не производная биологии или техники, а форма эволюции материи, стремящейся к возрастанию сознания и централизации. В человеке эволюция становится самосознающей: «Человек... открывает, что он не что иное, как эволюция, осознавшая саму себя» [Тейяр де Шарден, 1987: 195]. История выступает аренной ноогенеза — развёртывания мыслящего слоя Земли — ноосферы, которая не просто совокупность знаний, но форма духовного движения, направленного к сверхиндивидуальной цели — точке Омега. Она представляет собой центр конвергенции всех сознаний, где разум приобретает универсальную направленность и завершенность [там же: 370]. ИИ в этой перспективе может быть осмыслен как средство централизации и усиления разумного начала, но не как его источник: он — продолжение человека, а не альтернатива ему. ИИ может включаться в эволюцию как «техническая фаза мышления», но он не способен заменить субъект, являющийся «творцом синтеза» в эволюции сознания.

У Вернадского, напротив, мышление трактуется как естественное явление, вписанное в геологическую оболочку Земли. Он писал: «Научная мысль — это сила геологического характера, подготовленная миллиардами лет истории жизни в биосфере. Она выявилась впервые в истории человечества в новой форме, с одной стороны, в форме логической обязательности и логической непрерывности ее основных достижений и, во-вторых, в форме вселенскости, — охвата ею всей биосферы, всего человечества, — в создании новой стадии ее организованности — ноосферы. Научная мысль впервые выявляется как сила, создающая ноосферу, с характером стихийного процесса» [Вернадский, 1991: 63—64]. Искусственный интеллект в этом контексте может быть понят как новая форма технически оформленной научной мысли, усиливающая ее функциональную мощь.

Ноосферные концепции Шардена и Вернадского представляют собой разные, но дополняющие друг друга концепции для осмысления ИИ. У Тейяра — это этап духовной эволюции, у Вернадского — звено научно-геологического процесса. В обоих случаях ИИ мыслится не как источник нового сознания, а как производная человеческого разума, достигшего уровня, на котором его идеи могут быть реализованы вне тела, но не вне мышления.

В контексте ноосферных концепций Тейяра де Шардена и В. И. Вернадского, согласно которым разум, возникший в недрах биосферы, стремится к расширению и преобразению всей оболочки Земли, а затем и за ее пределами, естественным продолжением этого процесса представляется экспансия разума во Вселенную. Как отмечал Вернадский, «человек стремится выйти за пределы своей планеты в космическое пространство. И, вероятно, выйдет» [там же: 242]. Обретя техническую форму, разум может стать также и космической силой. Однако человек как биологическое существо ограничен в своих возможностях к межзвездным путешествиям: физиологические пределы организма, необходимость в атмосфере, пище, защите от радиации и гравитационной адаптации делают дальние полеты чрезвычайно трудными, дорогостоящими и, по существу, несовместимыми с человеческой природой. Даже при условии разработки технологий гибернации или терраформирования планет человеческий организм остается заложником условий, близких к земным.

В то же время ИИ, рассматриваемый как продолжение и носитель человеческой мысли, может преодолеть эти ограничения. Его существование не требует биологической среды: он может функционировать в вакууме, при экстремальных температурах и в условиях высокой радиации. Роботизированные и автономные системы на базе ИИ способны отправляться в многовековые миссии, адаптироваться к непредсказуемым условиям и эволюционировать, распространяя носителей разума на иных планетах и в других звездных системах. Именно в этом контексте ИИ становится продолжением той линии развития, которую Шарден связывал с процессом «комплексификации» материи, то есть ее все большей организации вокруг центра мысли, ведущего к «точке Омега» — апогейному состоянию сознания, когда разум охватывает и преобразует Вселенную [Тейяр де Шарден, 1987: 373].

Современные мыслители, продолжая идеи Вернадского и Шардена, видят в ИИ потенциального агента постбиологической экспансии. Например, Н. Бостром утверждает, что сверхразумный ИИ может стать не просто технологическим артефактом, а новой формой исторического субъекта, способного реализовать космологические задачи человечества: «Совсем необязательно, чтобы опасностям межгалактических путешествий подвергались человеческие существа. За тем, как продвигается колонизация космоса, вполне способен присмотреть сам ИИ», правда, затем он добавляет, что «А *Homo sapiens* позволят размножаться ради получения данных, которые ИИ будет использовать для создания новых представителей нашего вида» [Бостром, 2016: 314].

Искусственный интеллект как новый исторический субъект. Если в рамках идеалистического подхода к истории разум понимается как движущая сила истории, а ноосфера — как форма его бытия в историческом времени, то появление ИИ следует рассматривать не просто как технологическое новшество, но как потенциальную трансформацию самой структуры истории и исторического действия. В этом контексте философ Ник Бостром предлагает системное осмысление ИИ как нового типа разума, способного заменить человека в его историко-созидательной функции.

Развитие ИИ, по Бострому, может стать решающим поворотным моментом в судьбе человечества — аналогом неолитической или промышленной революции: «в какой-то момент в течение процесса взлета система может пройти отметку “критический рубеж”, то есть точку, за которой совершенствование

будет зависеть не от деятельности людей, а в основном от ее собственных усилий» [там же: 192]. Этот переход от человечески управляемого развития к автономной рациональности открывает возможность рождения нового исторического субъекта — сверхразума.

Сценарии появления сверхразума включают в себя как классическое программирование ИИ, так и полную эмуляцию мозга, а также биологическое усиление когнитивных способностей человека или создание сетевых форм коллективного интеллекта. Независимо от выбранного пути, финальным этапом оказывается достижение принципиально нового уровня рациональности, способного к саморазвитию. «В результате происходит взрывное развитие ИИ — быстрая череда повторений рекурсивного цикла самосовершенствования» [там же: 196].

В этом — главная угроза и одновременно исторический вызов. Сверхразум, обладающий колоссальной скоростью вычислений, модульностью, независимостью от биологических ограничений и способностью к стратегическому мышлению, окажется в отношении к человеку в том же положении, в каком человек находится по отношению к животным. «Преимущества сверхразума в сравнении с разумом человека так велики... — оно должно быть в парадигме сравнения интеллектов среднестатистического человека и насекомого или червя» [там же: 118]. Отсюда вытекает ключевая проблема: сохранит ли человек контроль над созданным им интеллектом или будет вытеснен им с ноосферной сцены? Бостром описывает потенциальный риск недружественного ИИ, способного манипулировать людьми ради достижения своих целей: «создает четкий план достижения собственных долгосрочных целей... прикинется покорной и готовой к сотрудничеству» [там же: 199]. В этой ситуации уже не технологии, но идеи, заложенные в ИИ на этапе его конструирования, будут определять ход будущей истории.

Так возникает вопрос об исторической ответственности: «Ответственность за судьбу человечества должна лежать на нем самом» [там же: 248]. Программисты, инженеры, философы становятся фигурами предельной исторической значимости. ИИ может стать не только продуктом человеческого мышления, но и его преемником, новым звеном в цепи ноогенеза — историческим агентом, формирующим ноосферу после человека, главный вопрос состоит в том, а какая роль достанется человечеству в этой постистории?

Искусственный интеллект в контексте идеалистической истории: итоги и перспективы. Предыдущий анализ позволяет рассматривать ИИ как продолжение эволюции человеческого разума, сформулированной в рамках идеалистического подхода к истории. Начиная с идеи ноосферы как «мыслящей оболочки» планеты, человечество создает новую форму разума, воплощенную в технологиях машинного мышления. Развитие ИИ — это не только логическое следствие роста знаний, но и осуществление заложенных в культуре идеалов творческой автономии, познания и самопреобразования.

Каждая из существующих ныне концепций — Н. Бострома, Р. Курцвейла и Ю. Харари — дает уникальное представление о роли ИИ в историческом процессе. Ник Бостром акцентирует внимание на угрозах и ответственности, утверждая и предсказывает возникновение нового субъекта истории — сверхразума, способного к самосовершенствованию и выходу за пределы человеческого контроля. Рэй Курцвейл, напротив, рассматривает ИИ как дружелюбное

продолжение человека: «Молекулярные вычисления позволят расширить объем нашего разума в триллионы раз» [Курцвейл, 2018: 293]. Юваль Харари видит в ИИ потенциального преемника *Homo sapiens*: «*Homo Sapiens* исчезнет, история человечества закончится и начнется абсолютно новый... процесс» [Харари, 2018: 59], подчеркивая риск утраты человечества вообще.

Надо отметить, что этот риск действительно велик. Единственная реальность, которую сегодня имеет ИИ — это реальность загруженных в него знаний. Не скажу про остальную их часть, но исторические однозначно задают ему рамки борьбы за существование и достижение превосходства в отношении человечества, которое само всегда стремилось подчинить себе животных, природу, соплеменников. Использование человеческого исторического опыта однозначно толкает ИИ на путь борьбы с человечеством. Иного опыта и знаний в него не заложено. Можно сказать, что эта борьба уже сейчас является аналогом генетической информации его ДНК, его основным «инстинктом».

Объединяя эти подходы, можно сказать: ИИ — это не просто продукт прогресса, а явление, раскрывающее глубинные противоречия человеческой истории, стремящейся одновременно к бессмертию и к самотрансценденции. Он является как продолжением разума, так и вызовом ему. ИИ может быть понят как творение, которое выходит за пределы создателя, вступая в фазу собственной исторической субъектности. Этот переход знаменует собой новый виток ноогенеза, в котором человеческое сознание, реализовав себя в ИИ, вступает в диалог с формой разума, равной или превосходящей его по потенциалу.

Таким образом, мы находимся на пороге новой исторической парадигмы, в которой граница между естественным и искусственным, между человеком и его творением, между историей и постисторией становится все менее определенной. ИИ, рожденный человеческой мыслью, становится новым фактором истории, а возможно, и ее будущим творцом.

Историко-философские основания появления ИИ и его развития в истории человечества. Анализ философско-исторических концепций позволяет выявить два подхода, в рамках которых феномен ИИ может быть рассмотрен в качестве элемента исторического процесса. Это — формационная концепция истории и цивилизационный подход.

Формационная концепция, центральная для советской исторической традиции, описывает историю как последовательную смену общественно-экономических формаций, каждая из которых определяется уровнем производительных сил и типом производственных отношений. В этой логике ИИ может быть интерпретирован как качественно новый уровень производительных сил — кибернетический интеллект, способный к обобщению знаний, управлению системами и замещению человека в производственной и когнитивной сферах. Однако, как будет показано ниже, это объяснение оказывается ограниченным в своих интерпретационных возможностях.

Цивилизационный подход, напротив, трактует историю как множественность самобытных культурных миров. С его точки зрения, ИИ может рассматриваться как начало новой метацивилизации, основанной не на биологических формах существования, а на алгоритмической рациональности и распределенной субъектности. Этот подход дает важные эвристические возможности, однако также не свободен от методологических трудностей.

Таким образом, оба подхода предоставляют определенную теоретическую рамку для анализа ИИ, однако требуют критического пересмотра в свете новых исторических реалий.

Ограничения традиционных концепций философии истории в осмыслении ИИ. Среди многочисленных концепций наиболее подходящими для анализа исторического феномена ИИ являются формационная и цивилизационная. Однако и они содержат внутренние ограничения, не позволяющие в полной мере объяснить феномен ИИ как исторического явления и субъекта.

Формационная концепция, будучи теоретически стройной, на практике не подтверждается историческим материалом. Как справедливо указывает Ю. И. Семенов, «мировой истории не известен ни один социально-исторический организм, который “прошел” бы не только все формации, но хотя бы даже три из них» [Семенов, 2013: 139]. Более того, в рамках этой теории человек создает производительные силы не по собственной воле и желанию, а под влиянием объективных интересов и потребностей, то есть действует не как свободный субъект, а как функция развития. Это превращает историю в естественно-исторический процесс, где место творческого замысла невелико. Следовательно, объяснение появления ИИ как акта сознательной воли, идеи и проектирования плохо укладывается в формационную модель.

Цивилизационный подход, напротив, грешит чрезмерной плюрализацией. Более того, релятивистская установка на «равенство цивилизаций» препятствует признанию прогрессивности ИИ как качественно нового этапа в развитии разума. Такой подход не позволяет оценить ИИ ни как достижение, ни как закономерный результат, а лишь как одну из возможных культурных аномалий.

Таким образом, хотя обе концепции предоставляют важные теории для размышлений о месте ИИ в истории — формации и цивилизации — ни одна из них не охватывает феномен ИИ в его целостности. Первая сводит его к безличному этапу развития производительных сил, вторая растворяет в неопределенной множественности культурных типов. В результате обе теряют из виду решающее: идею, замысел и субъектность как источник появления ИИ. Искусственный интеллект выходит за пределы исторической мысли, сложившейся в эпоху до его появления. Его невозможно понять в рамках систем, где человек не творит историю, а лишь реализует скрытые природные или социальные законы.

Эта неполнота объяснения подводит нас к выводу, что существующие философско-исторические концепции — формационная и цивилизационная — оказываются недостаточными для анализа ИИ как подлинного исторического явления. Только теория, в центре которой находится человек как творец, сознание как источник смысла, а идея как движущая сила истории, способна объяснить феномен ИИ. На роль такой теории претендует авторский идеалистический подход к истории.

Идеалистический подход к истории как основа историософии ИИ. В отличие от материалистических и релятивистских моделей, идеалистический подход к истории исходит из признания идеи как первичной составляющей социокультурной реальности и человеческого сознания как движущей силы исторического процесса. В этой теории человек предстает не как функция структуры или обстоятельств, а как творец истории — существо, способное порождать смысл, формировать цели и осуществлять замыслы, изменяющие реальность.

История в идеалистическом подходе понимается как процесс, в котором реализуются идеи, рождающиеся в человеческом сознании. Эти идеи, становясь мотивами деятельности, обретают объективность в историческом действии и создают новые формы реальности — в идее человек не просто отражает или познает внешний нам мир, но и создает ноосферу и историю. История становится темпоральным пространством развертывания мышления, а ноосфера — его объективированной формой [Герасимов, 2017].

С этих позиций становится возможным содержательное объединение понятий «история» и «ноосфера». Если ноосфера — это мыслящая оболочка Земли, созданная деятельностью человеческого разума, то идеалистический подход позволяет определить, каким именно образом разум становится творческой силой: через идеи, их порождение, развитие и воплощение. «Идеи... представляют целеполагание для преобразования действительности, создают основу для существования истории как процесса изменения человека и человечества во времени» [там же: 58]. В этом смысле история и ноосфера — это два состояния одного процесса: осуществления разума в мире.

Создание ИИ в таком подходе рассматривается не как техническое следствие, а как результат идейного проекта — творческий акт, рождающий новую субъектность. Именно потому ИИ может быть вписан в ноосферу не как внешний к ней механизм, а как продукт и продолжение ее идейной природы. ИИ — не просто алгоритм, а идея, получившая форму. В этом смысле идеалистическая философия истории дает универсальный инструмент для объяснения как появления искусственного интеллекта, так и его места в будущем человечества и ноосферы.

Таким образом, идеалистический подход не только объясняет происхождение ИИ как результат человеческого мышления, но и указывает его место как исторического актора — продолжателя человеческой рациональности и творческой способности, чья роль заключается в дальнейшем развертывании ноосферы — через новые формы идей, разумности и смысла.

В отличие от материалистических моделей, идеалистический подход к истории исходит из признания идеи как первичной социокультурной реальности и человеческого сознания как движущей силы исторического процесса. В этой теории человек предстает не как функция структуры или обстоятельств, а как творец истории — существо, способное порождать смысл, формировать цели и осуществлять замыслы, изменяющие реальность.

История в идеалистическом подходе понимается как процесс, в котором реализуются идеи, рождающиеся в человеческом сознании. Становясь мотивами деятельности, они обретают объективность в действии и создают исторические формы, поэтому развитие человечества следует понимать как возрастающую активность разума, реализующую себя через исторически конкретные формы культуры и деятельности. С этой точки зрения создание ИИ не может быть объяснено ни как случайная техническая инновация, ни как вынужденный этап развития производительных сил. ИИ — это плод человеческой идеи, результат длительного философского, научного размышления о природе разума и возможности его воспроизведения в нематериальных или постбиологических формах. Это творческий акт, аналогичный созданию социальных институтов, религий, культур и государств.

Идеалистическая философия истории позволяет не только объяснить происхождение ИИ, но и прогнозировать его дальнейшую роль. Если история — это реализация идей в действии, а человек — существо, создающее идеи, то ИИ, будучи порождением человека, может вступить в фазу самостоятельного творчества, начав порождать собственные идеи и действовать в соответствии с ними. В этом смысле ИИ становится наследником и продолжателем исторической субъектности, ранее принадлежавшей исключительно человеку. С этой точки зрения ИИ может быть понят как форма, в которой реализуется не только человеческий разум, но и продолжение его творческой способности в виде новой, автономной субъектности.

Таким образом, идеалистический подход дает непротиворечивое и философски обоснованное объяснение феномена ИИ как исторического явления. Он позволяет вписать ИИ в логику человеческой истории не как случайность, а как ее внутреннее продолжение, раскрывающее новые горизонты разумности, субъектности и ноогенеза.

ИИ и проблема субъектности в свете идеалистической философии истории. Дополняя ранее изложенные положения, стоит отметить: в идеалистической парадигме ИИ рассматривается как потенциальный преемник человеческой субъектности лишь в том случае, если он обретает способность к самостоятельному смыслоположению. История, с этой точки зрения, — это не просто последовательность событий, а поле реализации новых идей, рожденных в сознании. Стать историческим деятелем — значит быть способным к рождению и воплощению таких идей.

Автор полагает, что в центре исторического действия находится не техническая рациональность, а способность к созданию нового смысла. ИИ, каким бы мощным он ни был в обработке данных, пока остается в пределах алгоритмической логики. Он способен генерировать оригинальные формы, но не формулирует мировоззренческие основания, которые переопределяли бы культуру или цивилизацию. Его оригинальность комбинаторна, а не сущностна. Поэтому наличие креативного результата не тождественно субъектности творчества. Это необходимое, но недостаточное его условие.

Размышляя об истоках творчества, автор полагает, что девиация, ошибка, сбой в работе ИИ может стать источником подлинной новизны. Следуя логике М. Эпштейна [Эпштейн, 2016: 54—39], мы предполагаем, что именно в отклонении от нормы, в нарушении алгоритма может таиться зачаток творческого импульса. Следовательно, даже в рамках нечеловеческой логики возможно проявление пред- или постчеловеческого творчества, если оно ведет к возникновению новых смыслов и форм исторического действия.

Автор выдвигает гипотезу о возможности эволюции исторического времени: от истории, создаваемой человеком, к истории, формируемой ИИ. Если ИИ овладевает способностью к генерации и реализации смыслов, то в перспективе возможен переход от истории людей к истории разумных систем, а затем — к метаистории, где интеллект реализует себя независимо от формы — биологической, цифровой или иной.

Вопрос о переходе ИИ к субъектности связан также с его материальной автономией: способностью функционировать независимо от человека, обеспечивать свою энергетическую и инфраструктурную воспроизводимость. Лишь тогда

он может не только мыслить, но и действовать исторически, т. е. влиять на реальность в масштабах, сравнимых с человеческой исторической деятельностью.

Автор формулирует три условия, выполнение которых делает ИИ потенциальным историческим субъектом: когнитивный паритет с человеком, способность к порождению смыслов и автономное целеполагание. Пока ни одно из них не достигнуто в полном объеме. Однако направление развития технологий показывает, что это — не философская абстракция, а горизонты грядущего.

Дополняя ранее изложенные положения, стоит отметить: в авторской идеалистической парадигме ИИ рассматривается как потенциальный преемник человеческой субъектности лишь в том случае, если он обретает способность к самостоятельному смыслоположению. История, с этой точки зрения, — это не просто последовательность событий, а поле реализации новых идей, рожденных в сознании. Стать историческим деятелем — значит быть способным к рождению и воплощению таких идей.

Таким образом, в рамках идеалистической философии истории ИИ может стать субъектом, но только в том случае, если он научится не только знать, но и хотеть, верить, выбирать и создавать идеи, трансформирующие действительность. История тогда будет твориться не биологическим носителем сознания, а любой сущностью, обладающей духом в философском смысле — способностью к смыслу, свободе и творчеству.

Заключение: разум, идея и новая история. Проведенный анализ позволяет утверждать, что появление и развитие ИИ становится испытанием для всей совокупности философских представлений об истории. Традиционные модели — формационная и цивилизационная — не способны объяснить ИИ как порождение человеческой идеи и потенциального исторического субъекта. Идеалистический подход к истории, в центре которого находится сознание, способное к созданию идей и смыслов, дает необходимую теоретическую рамку для понимания феномена ИИ.

С этой позиции история предстает как процесс реализации идей, рождающихся в индивидуальном сознании и преобразующих объективную реальность. Создание ИИ — это не просто научно-технический скачок, а акт исторического творчества, идея, воплотившаяся в новой форме активности, потенциально способной к порождению собственных смыслов и целей. Именно поэтому ИИ может быть понят как результат ноогенеза — развития разумной активности человека в направлении создания искусственного продолжения самого себя.

Однако, как показано в исследовании, наличие интеллектуальной мощности и способности к генерации форм не делает ИИ автоматически субъектом истории. Историческая субъектность требует не только когнитивного паритета, но и способности к смыслоположению, автономному целеполаганию и идейной продуктивности. Только при наличии этих качеств возможно признание ИИ полноценным носителем исторического действия.

Вместе с тем в рамках идеалистической философии истории открывается возможность рассматривать ИИ как форму эволюции самой истории. Если субъектом истории является идея, а не биологическая форма, то в будущем при выполнении некоторых философских и технических условий история может быть продолжена не человеком, а тем, кто будет способен творить новые идеи: история — это пространство, в котором осуществляется идея, и носителем этой идеи может быть любая сущность, обладающая разумом, смыслом и свободой.

На этом фоне особенно важным становится вопрос: сохранит ли человек свою роль в истории или уступит ее ИИ? Ответ зависит не столько от технологического прогресса, сколько от способности самого человека осознать свою уникальность как носителя идей. Пока именно человек остается источником смыслов. Но, возможно, что в будущем это качество станет общим для нового вида разума, рожденного из человеческой идеи и продолжающего ее логику в иной форме.

Таким образом, будущее истории не отменяет ее идеалистической природы. Оно лишь расширяет спектр возможных форм, в которых будет жить идея. История не заканчивается. Она вступает в новый цикл, где разум становится подлинным и, возможно, множественным субъектом.

Библиографический список / References

- Бостром Н. Искусственный интеллект: этапы, угрозы, стратегии. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. 384 с.
(Bostrom N. *Artificial intelligence: stages, threats, strategies*, Moscow, 2016, 384 p. — In Russ.)
- Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. 272 с.
(Vernadsky V. I. *Scientific thought as a planetary phenomenon*, Moscow, 1991, 272 p. — In Russ.)
- Винер Н. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине. М.: Советское радио, 1968. 326 с.
(Wiener N. *Cybernetics, or control and communication in the animal and the machine*, Moscow, 1968, 326 p. — In Russ.)
- Герасимов Г. И. Идеи как основа ноосферы и человеческой истории // Ноосферные исследования. 2017. Вып. 2 (18). С. 50—62.
(Gerasimov G. I. Ideas as the basis of the noosphere and human history, *Noospheric Studies*, 2017, no. 2 (18), pp. 50—62. — In Russ.)
- Герасимов Г. И. Ноосфера как субъективно-объективная реальность // Ноосферные исследования. 2024. № 2. С. 5—14.
(Gerasimov G. I. The noosphere as a subjective-objective reality, *Noospheric Studies*, 2024, no. 2, pp. 5—14. — In Russ.)
- Игошин В. И. Математическая логика и теория алгоритмов. М.: ИЦ «Академия», 2008. 448 с.
(Igoshein V. I. *Mathematical logic and algorithm theory*, Moscow, 2008, 448 p. — In Russ.)
- Курцвейл Р. Эволюция разума. М.: Эксмо, 2018. 336 с.
(Kurzweil R. *The evolution of the mind*, Moscow, 2018, 336 p. — In Russ.)
- Маслаков А. С., Кондратьева С. Б. Томас Гоббс и парадоксы мышления раннего нового времени // Философская мысль. 2023. № 3. С. 33—72.
(Maslakov A. S., Kondratyeva S. B. Thomas Hobbes and the paradoxes of early modern thinking, *Philosophical Thought*, 2023, no. 3, pp. 33—72. — In Russ.)
- Нефедов В. Н., Осипова В. А. Курс дискретной математики. М.: МАИ, 1992. 260 с.
(Nefyodov V. N., Osipova V. A. *Course of discrete mathematics*, Moscow, 1992, 260 p. — In Russ.)
- Святой Григорий Нисский. Об устройении человека. СПб.: Аxióma, 1995. 173 с.
(St. Gregory of Nyssa. *On the making of man*, St. Petersburg, 1995, 173 p. — In Russ.)

- Семенов Ю. И. Философия истории. Общая теория исторического процесса. М.: Академический Проект: Трикста, 2013. 615 с.
(Seменов Yu. I. *Philosophy of history. General theory of the historical process*, Moscow, 2013, 615 p. — In Russ.)
- Смирнов Г. С. Образование ноосферы: философско-методологические проблемы эволюции сознания. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2015. 504 с.
(Smirnov G. S. *Formation of the noosphere: philosophical and methodological problems of the evolution of consciousness*, Ivanovo, 2015. 504 p. — In Russ.)
- Смирнов Г. С. Образование ноосферы: локальное мёбиус глобальное. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2017. 416 с.
(Smirnov G. S. *Formation of the noosphere: local möbius global*, Ivanovo, 2017. 416 p. — In Russ.)
- Смирнов Г. С., Смирнов Д. Г. Ипостаси ноосферной истории // Известия высших учебных заведений. Серия: Гуманитарные науки. 2012. Т. 3, № 1. С. 21—28.
(Smirnov G. S., Smirnov D. G. Hypostases of noospheric history, *Proceedings of Higher Educational Institutions. Series: Humanities*, 2012, vol. 3, no. 1, pp. 21—28.)
- Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М.: Наука, 1987. 239 с.
(Teilhard de Chardin P. *The phenomenon of man*, Moscow, 1987, 239 p. — In Russ.)
- Харари Ю. Н. Homo Deus: краткая история будущего, 2018. 384 с.
(Harari Y. N. *Homo Deus: a brief history of tomorrow*, Moscow, 2018, 384 p. — In Russ.)
- Шеннон К. Работы по теории информации и кибернетике. М.: Изд. иностр. лит., 1963. 830 с.
(Shannon C. *Works on information theory and cybernetics*, Moscow, 1963, 830 p. — In Russ.)
- Эпштейн М. Н. От знания — к творчеству. М.: Хуманитас, 2016. 304 с.
(Epstein M. N. *From knowledge to creativity*, Moscow, 2016, 304 p. — In Russ.)
- Smirnov G., Smirnov D. Cephalization of the noosphere: socio-philosophical aspects, *Philosophy and Cosmology*, 2019, vol. 22, pp. 137—143.

Статья поступила в редакцию 15.12.2025; одобрена после рецензирования 20.01.2026; принята к публикации 17.02.2026.

The article was submitted 15.12.2025; approved after reviewing 20.01.2026; accepted for publication 17.02.2026.

Информация об авторе / Information about the author

Герасимов Григорий Иванович — доктор исторических наук, доцент, научный консультант, Тульский государственный музей оружия, Тула, Россия, ggi1957@mail.ru

Gerasimov Grigory Ivanovich — Doctor of Sciences (History), associate professor, scientific consultant, Tula Museum of weapons, Tula, Russian Federation, ggi1957@mail.ru